
Марина Вєтрова
Анна Шилд
Развод с предателем.
Ты построил карьеру на моих идеях, а шейх вернул мне имя!

Анна Шилд

Развод с предателем. Ты построил карьеру на моих идеях, а шейх вернул мне имя!

«Автор»
2026

Шилд А.

Развод с предателем. Ты построил карьеру на моих идеях, а шейх вернул мне имя! / А. Шилд — «Автор», 2026

Муж вышвырнул меня из дома, бросив с балкона тысячу рублей.Десять лет я помогала ему строить карьеру, писала презентации и готовила сделки. А он назвал меня никем, выбрал другую и присвоил всё, что я создала.Без денег и крыши над головой я оказалась в дешёвом хостеле и начала зарабатывать текстами по ночам.Но однажды заказ привёл ко мне человека, которого боятся даже крупные бизнесмены.Тахир аль-Рашид, восточный инвестор, шесть лет искал автора знаменитой статьи.Моей статьи!Теперь он предлагает контракт, защиту и новую жизнь.Но сможет ли женщина, которую предали, вновь доверить мужчине своё сердце? И при этом сохранить себя?

© Шилд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тысяча с балкона 5
Глава 2. Дно 8
Глава 3. Под чужой подписью 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Марина Ветрова, Анна Шилд
Развод с предателем. Ты построил карьеру на моих идеях, а шейх вернул мне имя!

Глава 1. Тысяча с балкона

— Ну как? Для твоей большой сделки подойдёт?

В то утро красное платье наконец дождалось своего часа — два года берегла его для такого дня. Купила его случайно, на распродаже, принесла домой, повесила в шкаф — и не надела ни разу. Ждала случая. Денис подписывал самую большую сделку в своей жизни, и хотелось, чтобы он, глядя на меня среди чужих костюмов, вспомнил, кто был рядом все эти десять лет.

Рубашку ему гладила сама. Синюю, с манжетами, которую он носил только на «важные» встречи. Пар утюга пах нагретой тканью и крахмалом.

— Потом закажем ту лазанью с Патриарших? Три месяца собирались. Подпишешь, пожмёшь всем руки — и домой, ладно? Отпразднуем вдвоём.

— Посмотрим. Не до ужина сейчас.

А у меня уже и столик был мысленно застелен. Вообще всё в этой жизни мысленно застелила: его победы, его графики, его тексты.

О текстах — отдельно. Но об этом позже. Тогда, утром первого декабря, мне и в голову не приходило, что через девять часов придётся стоять на морозе с одной тысячей рублей в кармане и с лёгким потрясением обнаружить, что у меня нет даже зарядки для телефона.

— Ты не поедешь, — сказал Денис, когда я взяла сумочку.

Мы стояли в прихожей нашей — то есть его — квартиры на Фрунзенской. Люстра из «Икеи», которую я собирала сама, три часа, с разбитым о пластиковую деталь пальцем, висела над нами как большой стеклянный цветок. Сначала стало обидно, а потом рассмеялась: ну шутит же. Проверяет, умеет ли жена держать удар перед встречей с важными людьми.

— Денис, десять лет на твои сделки ушло. Одну эту презентацию четыре раза переписывала. Их структуру затрат помню лучше, чем они сами. Ты же вчера просил сесть с краю, чтобы подсказывала. Что изменилось?

— Лена. — Он даже не поднял глаз от телефона. Пальцы стучали по экрану — быстро, сердито, как будто я мешала ему делать что-то гораздо более важное. — Это рабочий день. Закрытие. Инвестор, наследники, юристы. Куда ты там? Стоять с подносом канапе?

— Причём тут поднос? Я твоя жена. Ты обещал представить меня партнёрам. Или дома помогать можно, а показать меня стыдно?

Вот тут он поднял глаза. С лица слетело привычное выражение занятого человека, и под ним оказалось раздражение. Открытое, злое: до чего же надоела. Так смотрят на мебель, которую забыли продать вместе с квартирой.

— Ты моя бывшая жена, — сказал он спокойно. — Я подал заявление на прошлой неделе. Лена, не делай такое лицо. Это не внезапно, это назрело.

Пол качнулся. Люстра — стеклянный цветок — замигала, потому что за окном проехал трамвай, а провод у нас всегда барахлил. Пришлось схватиться за тумбу. Под ладонью — холодное дерево, рядом ключи; ещё утром сунула бы их ему в руку и попросила не забыть поесть. Теперь оставалось слушать, как он договаривает, по пунктам, деловым голосом:

— Квартира оформлена на меня. Кредит тоже на мне, так что не говори, что ты тут вкладывалась. Машина моя. Тебе я оставляю... ну. — Он полез в карман и почему-то посмотрел на бумажник, и от этого взгляда у меня похолодели пальцы. — Тысячу. На автобус.

— Денис. Ты меня слышишь вообще? — Имя пришлось выговорить медленно, проверяя, удастся ли его разбудить. Или себя. — Мы живём вместе десять лет. У нас общий стол, общий холодильник и общий счетчик горячей воды. Ты сейчас серьёзно?

— Лена, не начинай театр. Ты же умная. Посчитай сама: что ты внесла в семейный бюджет? Ноль. Что внёс я? Всё.

— Я вносила себя. Целиком. Ежедневно. Это, кстати, самая невыгодная инвестиция в твоей жизни, потому что дивиденды ты до сих пор не понял.

Он поморщился, словно от пошлости, и пошёл к окну. Прихожая у нас тесная, три шага — и ты у балконной двери. Он отодвинул штору, поднял раму, и в квартиру ворвался холод — резкий, декабрьский, пахнущий выхлопом и снегом. От сквозняка пришлось обхватить себя руками. А потом он достал из бумажника одну банкноту. Одну. Тысячную. Подержал её на весу, как фокусник, показывающий пустую карту.

— На автобус, — повторил он.

И бросил её с балкона. Прямо в мороз, вниз, с двенадцатого этажа.

К балкону даже шагнуть не получилось. Так и стояла перед мужем, которому в шесть утра гладила рубашку. Он выдержал мой взгляд. В его глазах было что-то хуже злости. Облегчение. Он наконец-то это сказал, и ему стало легко. Знакомое выражение: так выглядят люди, которые годами носят камень и наконец его высыпали. Он даже плечи расправил.

— Ты никому не нужна, Лена, — сказал он почти мягко. Честно, вот что было страшно — он говорил честно, без злобы, как сообщают диагноз. — Ты десять лет сидела дома. У тебя нет ни стажа, ни специальности, ни связей. Тебе тридцать не скоро, но по резюме тебе шестьдесят. Подумай сама: кто ты? Никто. Подпиши бумаги, съезжай до конца недели.

— А Кристина? — Собственный голос удивил: звенел, натянутый до предела, но ни разу не сорвался. — Младший партнёр Дорохова. Она в честь чего будет на закрытии сделки? Или она поедет вместо канапе?

Он моргнул. Один раз. Пальцы его на секунду перестали стучать по экрану — и этой секунды мне хватило, чтобы понять всё: и про неё, и про то, как давно, и про то, что «назрело» у него, видимо, задолго до прошлого вторника, когда он якобы «подал заявление». Помню даже мелочь: у него дёрнулся уголок рта — вниз, быстро, как дёргается занавес.

— Это не имеет значения. Давай без ревности. Кристина там работает.

— Для сделки имеет. Презентация моя. Четыре версии, Денис. Финансовая модель — моя. Письма инвестору — моя рука. Но ты прав, конечно. Ты иди подписывай. Гений.

Мимо него прошла в спальню. Сняла платье, натянула джинсы со свитером, сунула красный шёлк в пакет. Сверху — старая пуховая куртка с молнией, которая расходилась у ворота. На пороге ещё задержалась, ожидая оклика. Денис уже вернулся к телефону. Дверь закрылась мягко: доводчик сама ставила, чтобы не хлопать, когда он спит после ночных «рабочих звонков». Даже уход получился заботливым: пусть выспится. Запомни эту деталь. Она мне потом ещё пригодится — против меня же и работал каждый такой доводчик, каждая тихо закрытая дверь.

Двор встретил меня снегом и ветром. И купюрой.

Она лежала на снегу у скамейки — та самая тысяча, брошенная с балкона, — полузанесённая, с загнутым углом. Он бросил её сильно, она отлетела. Над ней простояла, наверное, с полминуты. Можно было не поднимать. Можно было уйти и оставить её там, в снегу, — символически, красиво, для внутренней речи. Но на символы нужны силы. Подняла: это были последние деньги, какие у меня оставались. Бумага была холодная, как лёд, пальцы сразу одеревенели. Отряхнула с неё снег и сложила пополам, уголок к уголку.

Посреди двора, под моим — его — светящимся окном на двенадцатом этаже, держала в руке цену себя. Тысяча рублей. Десять лет. Выходило сто рублей в год. Тогда ещё усмехнулась — криво, в воротник, — потому что счетовод во мне, десять лет ведший чужие цифры, машинально произвёл деление. Привычка. Из всех привычек эта, наверное, меня и спасла.

Автобус подошёл как раз к моему приходу на остановку. Проездной в телефоне ещё действовал. Села у окна, прижала купюру к коленям — по привычке проверила, на месте ли, — и поехала через всю Москву в сторону, где никогда не была: в район хостелов, вокзалов и ночного света вывесок.

В сумке у меня был паспорт, старый телефон без зарядки и красное платье, которое всё-таки сунула с собой — может, наперекор, может, в память о лазанье на Патриарших. Красное платье и одна тысяча рублей. Всё моё движимое имущество умещалось в пакет из магазина, где я когда-то покупала Денису носки.

На одной из остановок написала Денису: «Ты об этом пожалеешь». Строго, без смайликов, ни печальных, ни гневных — ещё держала лицо даже перед экраном. Сообщение ушло. И не дошло. Серая отметка повисла возле текста. Попытка позвонить оборвалась сразу: меня уже заблокировали. Вот как быстро это делается, оказывается. Десять лет — и один свайп. На серую отметку смотрела до рези в глазах. Вот, значит, как. Даже на прощание у меня не приняли сообщение. Хоть бы квитанцию о доставке оставили — у людей же остаются квитанции.

Автобус вёз меня через Москву, светящуюся, праздничную, встречавшую декабрь. За окном снег летел навстречу стеклу. А ведь до сих пор ни слезинки. Вот что странно. Стояла во дворе, держала купюру — и не заплакала. Внутри было так пусто и так тихо, что даже воображался чужой ночлег: кто-то гремит кастрюлей на кухне, а мне разрешают посидеть рядом.

Хостел нашёлся по объявлению на столбе: «Место в восьмиместном номере, посуточно, документ не нужен». Консьерж за стеклом посмотрела на мой пакет, на старый пуховик и назвала цену:

— Пятьсот за ночь.

Глава 2. Дно

Тысяча уже лежала на стойке. От загнутого уголка никак не удавалось отнять палец.

— А заплатить завтра можно? Паспорт оставлю.

— Паспорт себе оставь, он тебе ещё пригодится. Денег совсем нет?

— Вот эти.

— Тогда утром разберёмся. За лишний день предупреждай, слышишь? Даром держать не могу.

Купюра вернулась в карман целой. В её практике, видимо, попадались и покрасочнее меня. Консьерж сунула мне ключ-бирку с номером двадцать четыре. Из пакета высовывался красный край; она указала на него:

— Душ в конце коридора, горячая вода до полуночи. И платье, милая, в камерку сдай, а то у нас в общем номере ночью вещи ходят.

Из пакета достала красное платье и отдала ей на сохранность, как отдают единственное украшение.

Койка у окна. Матрас пружинил, подушка пахла чужим порошком. Легла в джинсах и свитере: переодеться было не во что. За окном шёл снег, на соседней койке храпела женщина, а где-то внизу, на улице, смеялись молодые парни. Смех был нормальный, добрый даже, а в голову лезло: вот идут люди по декабрю, у каждого в кармане больше тысячи рублей, наверное. У каждого есть куда прийти. А я — как разбитая страница: меня вырвали из книги, и теперь я лежу на чужой койке под номером двадцать четыре.

Слёзы пришли только под утро. Тихо, в подушку, чтобы соседка могла доспать: жалко было будить её своим горем, у всех свои тысячи на ветру. Плечи соседки вздрагивали во сне — может, ей тоже кто-то когда-то бросил купюру с балкона, может, две. Мы лежали в темноте, восемь чужих женщин в одной комнате, и каждая, наверное, когда-то была чьим-то красным платьем. А стала койкой под номером.

А когда рассвело, встала, умылась ледяной водой из крана — вода была такая, что кожа залоснилась, как после пощёчины, и это, странно, помогло, — посмотрела в зеркальце над раковиной на красные глаза — и одна мысль наконец перекрыла всё остальное:

Он ошибся. Он думает, что выгнал никого.

Посмотрим, Денис. Посмотрим, кого ты выгнал.

— Маша, дай заколку! Не эту, синюю!

В семь утра восьмиместный номер гудел феном и пах растворимым кофе, смешанным с лаком для волос. Так пахло дно. За неделю в хостеле женщина по имени Тома, работавшая в салоне красоты, успела рассказать мне всю свою жизнь, три развода и рецепт оливье с крабовыми палочками.

— А ты чего молчишь? — На третий день Тома уселась ко мне на край койки с кружкой. От её халата тянуло табаком; тонкая кожа на пальцах пожелтела от сигарет. — Девка молодая, а молчишь, как на исповеди. Мужик?

— Мужик.

— Бросил?

— Хуже. Выгнал.

Тома кивнула с пониманием знатока.

— Три развода, одно выселение. У меня, милая, и такое было. Тоже думала, не выберусь. Выбралась, видишь, даже халат новый купила.

— Деньги на тебе остались?

— Тысяча.

— О-о, богачка. Ну ладно, слушай сюда. Сначала забегаешь по объявлениям — все бегают, ничего. Потом продашь украшение — это у всех второй этап, не стесняйся. А потом, — она понизила голос и ткнула в меня кружкой, — потом берёшь любую работу, потому что гордость, милая, она в ресторане с лазаньей хороша, а на дне она не кормит.

Про лазанью она знать не могла. А меня передёрнуло.

Через неделю, забрав платье из камерки, перебралась к бабке Зинаиде на окраину. Счёт за хостел ждал оплаты; тысячонку в кармане уже рука не поднималась разменять. За угол Зинаида брала пятьсот рублей в неделю и согласилась подождать до первых заработков. «Угол» — это правда угол: кровать за шторкой из ткани в цветочек, тумбочка, розетка. Зинаида взглянула на мой паспорт, на мои руки — оказывается, по ним столько видно, — и предупредила:

— Девочка ты не местная. Беда у тебя в глазах. Ну и ладно, до заработков подожду. Потом только плати вовремя — а остальное жизнь подправит.

— А если не поправит? Сколько мне так ждать?

Зинаида подумала. Она вообще всё делала неспешно, как человек, проживший при реке и знающий цену течению.

— Поправит. Я восемьдесят один год живу. Видела, как мужья уходили, как дома горели, как сыновей хоронили. Поправляет. Не сразу и не так, как хочешь, — но поправляет. Ты только не ложись лицом в подушку. Кто лицом в подушку — тот себя заживо хоронит.

Первые дни работу искала привычным способом: системно. Таблица в старом телефоне, столбцы: вакансия, отклик, ответ. К пятнице в столбце «ответ» было тридцать одно «нет».

— Десять лет не работали? А чем занимались?

— Домом. И помогала мужу в компании, только без оформления. Письма, договоры, расчёты.

— А, домохозяйка. Ну, у нас напряжённый график, вам не подойдёт.

— Почему? Давайте тестовое. Вам же нужен человек, который умеет писать?

— Нам нужен подтверждённый опыт. Вы пока рассмотрите кассу. И резюме добавьте на сайт, там побольше вариантов.

— Подождите. Десять лет фактически вела Беликова и партнёров. Письма, презентации, договоры, финансовые модели. Переговоры по почте тоже. Всё это делала дома, за кухонным столом, по ночам.

— Это можно проверить? Ваши фамилия, должность там есть?

— Нет. Подписано его фамилией. Дениса Беликова. Утром он уносил мои тексты в портфеле, а вечером все хвалили его гениальную интуицию. Извините, это вам, конечно, незачем знать.

— Понимаю. Но сейчас я вам, к сожалению, ничем не помогу.

Девочка говорила сочувственно, с облегчением, что разбираться придётся кому-то другому.

— Спасибо. Поищу.

После разговора минут десять просидела, глядя в стену с цветочной шторкой. Десять лет опыта нигде не существовали. По ночам придумывала его успех, теперь даже сослаться на него было нечем.

— Интуиция! — Однажды это слово так смешно прозвучало в пустой комнате, что пришлось фыркнуть. Его интуиция ночью пила чай у меня на кухне и говорила: «Лен, ну ты же умеешь».

Врать не стану: однажды утром набрала его номер, сидя на кровати за цветочной шторкой. Вызов снова оборвался, едва начавшись: заблокирована. Всё ещё.

— Мужу? — Зинаида остановилась у шторки.

— Ему. Хотела сдаться, представляете? Вернуться, подписать всё, унизиться. Зато в тепло. Там моя раковина, моя кофемашина. Хоть что-то своё.

— И что он?

— Ничего. Меня заблокировал ещё до того, как из подъезда вышла. Заранее приготовился, что буду проситься обратно. А его номер до сих пор помню лучше собственного.

— Номер помнишь, а что он сделал — забыла?

И тут вспомнилось лицо Дениса у балконной двери. Облегчение.

— Он счастлив был меня выставить. Понимаете? Плечи расправил, даже дышать легче стал. Что же мне там делать?

— Вот об этом и думай, когда опять захочешь набрать.

Это воспоминание стоит дороже всех кофемашин мира.

На третьей неделе продала серёжки — единственное, что осталось на мне из «прежней жизни». Расплатилась за хостел, принесла Зинаиде деньги:

— Это за угол. Теперь без долгов.

— На еду осталось-то?

— Впритык. Но осталось. Спасибо, что подождали.

— Чего уж, живи. Работа найдётся.

Работу без резюме нашла на бирже контента. С просьбой к Зинаиде подошла вечером:

— Можно ваш ноутбук? Мне ночную правку дали. Пятьдесят рублей за тысячу знаков. Описания, страницы для продажи, статьи для сайта зоомагазина.

— На телефоне-то глаза сломаешь. Бери. Только полку в кухне завтра разберём, ладно? Мне одной туда не залезть. Вот и сочтёмся.

Ночами сидела за шторкой, укутавшись в пуховик, потому что топили плохо, и стучала по кнопкам старенького ноутбука — потёртого, с треснувшим углом, но живого. Клавиша «а» залипала, и пришлось выработать особую походку пальцев, с нажимом, с оттяжкой, — как у пианиста, чей инструмент пережил войну.

Зинаида вставала ночью по своему веку — старые люди спят урывками, — приносила мне кружку кипятка с травой и, не заглядывая в экран, говорила:

— Пиши, пиши. У тебя это ловко выходит. Я гляжу — пальцы у тебя не простые. У моей соседки дочка в конторе сидит, так у ней пальцы так же бегают.

— У неё и зарплата, наверное, бегает. А у меня пока всё мимо. За ночь заработаю, утром отдам, снова сажусь.

— А ты не завидуй. Зависть — это когда чужое считаешь. А тебе своё придёт. Тебе много придёт, я по рукам вижу.

Хотелось спросить, что она ещё видит по рукам. Удержалась: этого пока лучше не знать.

К шестой неделе после ухода появился постоянный посредник. И на шестой ночи работы с ним случилось то, что перевернуло всё.

Заказ назывался невинно: «Анонс инвестфорума, стиль заказчика — строгий, без канцелярита, срочно». Заказчик — агентство, которое тянуло контракты крупного холдинга. Мне скинули «пример нужного тона» — старую публикацию шестилетней давности, подписанную фамилией Д. Беликов.

Глава 3. Под чужой подписью

Открыла её, чтобы свериться со стилем, — и перестала дышать.

Зинаида несла чай.

— Чего побледнела?

— Знакомый текст. Мой. Первый черновик десять лет назад написала, в первой съёмной однушке, на столе у окна. Три ночи. А Денис ходил из угла в угол: «Лен, ну ты же умеешь. Напиши как-то по-человечески, а я перескажу. У меня не выходит живое».

— И ты?

— Написала. Он прочитал, поцеловал в макушку и унёс. Тогда впервые отдала ему своё под его имя. Потом всю жизнь слышала: «Лен, ну ты же умеешь». А через четыре года он вернул те листы. Попросил переделать для встречи: «Там важный восточный партнёр, ему надо объяснить, зачем всё это». Говорю: «Так тут уже объяснено. Только цифры старые». А он: «Ну вот и обнови. У тебя же быстро».

Чашка стояла возле треснувшего ноутбука. В темноте, кутаясь в пуховик, держала ледяные пальцы над клавишами: боялась нечаянно закрыть страницу. Мои фразы вернулись из прошлого. Внутри что-то сдвинулось и встало на место с металлическим щелчком.

— И когда?

— Встреча и публикация? Шесть лет назад. Сам текст старше. Вот дата: тот год, когда Беликов, по его рассказам, выстрелил и получил первого крупного инвестора с Востока. Во втором абзаце тире вместо точки. А тут сравнение с приливом. И короткий удар в конце длинной фразы. Это моя подпись. Только её не ставила, даже не подозревала, что она у меня есть.

— А он, значит, её поставил. Свою.

— Десять лет: «Ты никому не нужна». Десять лет его гениальности. Весь его гений у меня в голове лежал. Никто, включая его самого, не умел этого увидеть.

За тот заказ взялась в три часа ночи и закончила в пять. Пальцы горели, спина гудела, Зинаидин ноутбук трещал под моими руками, как старый самовар, — а мне было хорошо. Впервые за полтора месяца мне было хорошо: делала то, что умею, и делала для себя. Вместо сообщения об оплате пришёл вопрос:

«Вы кто? Вы писали раньше для холдинга? Тон один в один».

«Домохозяйка. Можете так и передать».

«Серьёзно спрашиваю. Это ваш текст?»

«Мой. Если нужен ещё, пишите сюда. Только имя в заказе оставляйте моё».

Он не поверил, но оплатил — двойную ставку. И тут же добавил: «Ещё в этом же ключе, срочно. Заказчик лично ругает каждого, а это прочитал молча».

Заказчик ругал каждого. А это прочитал молча.

— Ну? Видал? Ругать он умеет. А молчать над моим — научился. Уже прогресс.

Легла в шесть утра и уснула впервые за месяц не от безнадёги, а от какого-то тёмного, тёплого предчувствия. Снилось мне зачем-то то самое окно, двенадцатый этаж, и снег, летящий вниз навстречу, и купюра на снегу, которая вдруг стала не зелёной, а красной — как моё платье.

Утром мне позвонили из агентства-посредника. Голос был непривычно осторожный:

— Елена Сергеевна? Извините... вас завтра можно застать дома? К вам приедут. Из холдинга. Из самого... В общем, оденьтесь прилично и никуда не уходите.

— А кто приедет? Мне к встрече готовиться? Что принести?

— Не могу сказать по телефону. Елена Сергеевна, совет: отвечайте коротко и правду. Только правду. Поверьте, это в ваших интересах.

— А если моя правда кому-то не понравится?

В трубке помолчали.

— Тогда пусть не понравится. Вы не мне говорили. Удачи вам, Елена Сергеевна. Правда, она такая — никому не понравиться и всех победить.

После звонка ещё раз открыла свой столбец «ответ»: тридцать одно «нет» и один «ждите».

В кармане у меня лежала та самая тысяча — Денисова, с балкона. Так и не потратила. Вытащила, разложила на тумбочке, разгладила пальцем загнутый уголок.

— Вот, видишь? Приедут завтра. Посмотрим, кто.

За шторкой булькала кухня Зинаиды, пахло жареной картошкой, и из-за ткани донеслось:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.